

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Н. Н. Дьяков

РОССИЯ И МАГРИБ: ИСТОРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ

Еще до рождения ислама земли к западу от Египта были известны арабиянам как «аль-Магриб» — «страна, где заходит солнце», «край заката». Позже, с включением этих земель в состав халифата на рубеже VII–VIII вв., в зависимости от удаленности их от главных исторических центров арабского Востока — Машрика, стали выделять «аль-Магриб аль-Адна» — Ближний Магриб, включавший Триполитанию и восточную часть Туниса, «аль-Магриб аль-Аусат» — Средний Магриб, т. е. запад Туниса и север Алжира, и, наконец, «аль-Магриб аль-Акса», Дальний Магриб — Марокко с Западной Сахарой.¹

Начало новой эпохи было связано для мусульманского Запада с утратой некогда блестящих достижений. Реконкиста — отвоевание королями Испании и Португалии мусульманских владений на Иберийском полуострове завершается падением последнего оплота мавров — Гранады в 1492 г. Этот же год не случайно становится датой открытия Америки и отправной точкой Великих географических открытий, по сути, отметивших наступление нового этапа мировой истории.

Существенным препятствием для европейской экспансии на Восток стало возвышение Османской державы, к середине XVI в. поглотившей не только почти весь арабский Восток, но и большую часть Магриба, включая Алжир, Тунис и Триполитанию. Лишь Дальний Магриб — Марокко, объединенное властью султанов-шерифов, выстояло под нажимом турецких гарнизонов-оджаков и эскадр. Ведущие державы Запада не преминули затем воспользоваться кризисом Османской империи, обострившимся на рубеже XVIII в., и своей «восточной политикой» развернули соперничество за «турецкое наследство».

Укрепляя влияние в арабских провинциях Порты, навязывая ей новые капитуляционные соглашения, Франция к началу XIX в. создала широкую сеть консульских представительств, торговых факторий и духовных миссий на востоке и юге Средиземноморья — от Сирии и Ливана до Алжира и Марокко. После краха экспедиции в Египет под командованием Бонапарта (1798–1801) Париж обращается к «освоению» Магриба,

дабы превратить его в плацдарм своей колониальной империи в Африке и на Ближнем Востоке. Капитуляция алжирского дея Хусейна (1830) положила начало 130-летней истории французского Магриба.

К эпохе колониальных войн, бесконечных коллизий «Восточного вопроса» относится начало прямых контактов России со странами Магриба. Не имея геополитических притязаний на удаленную от ее границ область мусульманского мира, Россия с конца XVIII в. стремилась к обеспечению стабильности в этом регионе, развивая отношения с его правителями.

Россия и Магриб: от Средних веков до конца XVIII в. Первые контакты между народами России и Магриба восходят, видимо, еще к эпохе становления самой российской государственности. Торговля у берегов Черного и Средиземного морей, первые походы русичей к границам исламского мира на пороге X в. привели к появлению полонян-славян (сакалиба) в разных концах Халифата.

Высокий уровень информационного обмена в пределах Халифата делал в тот период сведения о северных народах достоянием читателя и в Магрибе, и в Аль-Андалусе. К IX–XI вв. относятся первые упоминания о русах арабами (Ибн Хордабех, Ибн Фадлан, аль-Масуди, Ибн Хаукаль и др.). Значительный вклад в средневековую географию внесли североафриканские авторы. Около 1068 г. был завершен знаменитый путеводитель под названием *«Китаб аль-мамалик ва-ль-масалик...»* («Книга царств и путей...») аль-Бекри, а спустя менее века (ок. 1154 г.) другой уроженец арабского Запада, Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси, составил один из главных географических сводов своего времени *«Китаб нузхат аль-муштак фи-хтирак аль-афак»* («Книга услады истомленного в дальних странствиях»), где описал для сицилийского короля Рожера II страны Магриба и Европы.

В Россию известия о Северной Африке стали попадать вместе с «хожением» паломников в Святую землю Палестины и Синая. Первые впечатления русских о Египте дошли до нас благодаря описаниям иноков-странников Зосимы и Варсанофия (XV в.), а в XVI–XVII вв. — купцов В. Познякова, Т. Коробейникова, В. Гагары и др. [5. С. 24–31].

К особому разряду контактов народов России и Северной Африки можно отнести пребывание на службе у турок, в янычарских оджаках россиян, преимущественно южан, попавших в плен либо в эпоху Золотой Орды, либо позже, в ходе войн, которые Россия вела против Османов и их вассалов — крымских ханов. Роль мамлюков — половцев-кыпчаков, а также черкесов, как на Востоке называли уроженцев Северного Кавказа, в истории Египта и других стран Северной Африки хорошо известна.

Характерной чертой социальной эволюции Магриба с древности и до нового времени оставался пиратский промысел, служивший мусульманам орудием «джихада на море» и во многом определивший этносоциальный облик городов региона. Среди корсаров и их капитанов-раисов были выходцы из Европы, Африки, Ближнего Востока. Помимо «турок по рождению» в Алжире, например, можно было встретить «турок по профессии», многие из которых были принявшими ислам авантюристами из греков, венгров, славян и др. [21. С. 41]. В числе последних немало было и уроженцев земли русской.

В допетровскую эпоху сведения о Северной Африке доходили до России благодаря переводам с европейских языков. Особый интерес вызывали путевые заметки об экзотических странах, в том числе Алжире, Тунисе, Египте. Европейские сочинения такого рода были известны русскому читателю с XVI–XVII вв.

Систематическое изучение ислама, языка, культуры и истории арабов началось в России при Петре I. Правда, Магриб долго находился вне поля научной деятельности российских ученых. Лишь в конце XVIII в., в екатерининскую эпоху, сведения об этом регионе достаточно регулярно появляются в столичной печати.

Всплеск интереса к Передней Азии и Северной Африке был вызван перипетиями русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791), активными действиями русских эскадр на Черном и Средиземном морях. На страницах научно-популярных работ, в прессе все чаще появлялись очерки о Египте, Сирии, Алжире и т. д. На основании донесений русских консулов и моряков в эти же годы в «Санкт-Петербургских ведомостях» были опубликованы и первые заметки о Марокко [6. С. 146–147]. Победе России в войне с Турцией 1768–1774 гг. способствовала Архипелагская экспедиция, отправившаяся из Балтики в Средиземноморье для отвлечения турецких сил с придунайского и черноморского театров военных действий. После этой экспедиции возникла новая для России военно-историческая и географическая литература, в том числе содержащая сведения об отдаленных средиземноморских провинциях Порты.

Прямым результатом Архипелагской экспедиции стало появление первых описаний «Варварийского берега», опубликованных участником Чесменского сражения (1770) капитаном флота Матвеем Григорьевичем Коковцовым (1745–1793), прадедом русского семитолога П. К. Коковцова. Это был первый россиянин, не просто посетивший, но и тщательно описавший города, население, хозяйство, политико-административное устройство Туниса и Алжира — в ту пору магрибских провинций Порты. В августе 1776 г. в письме в Адмиралтейскую коллегию (от 6 августа 1776 г.) М. Г. Коковцов рассказал о своем вояже в Тунис и о восхитившем его «странноприимстве варваров», хотя «народы сии так подлого имени совсем не заслуживают...» [17. Л. 5].

После отставки в 1785 г. с флотской службы М. Г. Коковцов при содействии члена-корреспондента Академии наук Ф. О. Туманского опубликовал заметки о посещении Туниса (1776) и Алжира (1777) [16]. Высокую оценку этим трудам дал И. Ю. Крачковский: «Основанные на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи...» [18. С. 56].

Рост международного авторитета России как великой морской державы, одолевшей Порту в войне 1768–1774 гг. и укрепившей позиции в Средиземноморье, привел к расширению ее контактов на севере Африки. Консульские миссии России имелись тогда в испанском Кадисе и в ряде городов Италии. С 1769 г., во время Архипелагской экспедиции нештатным консулом России в Гибралтаре выступал англичанин Лидс Бут, сообщавший «сведения о внутривполитическом положении, взаимоотношениях Марокко с иностранными державами и др.» [27. С. 12–13].

Инициативу расширения связей с христианским миром поддержал султан Марокко Мухаммед бен Абдаллах (1757–1790). В октябре 1777 г. Лидс Бут сообщал в Санкт-Петербург о его готовности открыть свои порты и гавани для европейских судов. В начале 1778 г. в Ливорно состоялись встречи марокканского посланника Мухаммеда б. Абд аль-Малика с командиром отряда русских кораблей капитаном 1-го ранга Т. Козляиновым, сообщившим о готовности «Ея Императорского Величества» Екатерины Алексеевны развивать дружеские отношения с Марокко. Эти контакты нашли подтверждение в переписке Т. Козляинова с марокканским послом. В знак расположения и в ответ на просьбу султанского посланника Т. Козляинов выделил ему два фрегата — «Св. Павел»

и «Констанца» — под командой капитана Н. С. Скуратова для возвращения марокканского посольства из Ливорно в Танжер. Выполнив эту миссию, Н. С. Скуратов отбыл из Танжера с письмами султана к Екатерине II и вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу И. Г. Чернышеву об установлении дружественных связей, прежде всего в области мореплавания и торговли. Важным итогом пребывания русских кораблей в Танжерской бухте стало описание Н. С. Скуратовым марокканского побережья: «Земля сего владения изобильна хлебом, скотом, разной дичью, рыбой и фруктами... Имеют фабрики шерстяные, кожаные, на коих делают подошвенные сафьяны разных цветов... собирают довольно деревянного масла, воску, желтой камеди, говяжьего сала, медных руд и всем сим имеют небольшую коммерцию с англичанами, голландцами, французами, шведами, датчанами и венецианцами, а от них получают разных качеств полотна, шторы разных цветов, одинакие бархаты, разные корни, сахар, кофей, чай, бисер для женского убора и серу горючую...» [31. С. 22; 27. С. 18–22].

Переписка между Екатериной II и султаном Сиди Мухаммедом бен Абдаллахом готовила почву для подписания договора между двумя державами. Однако дальнейшему развитию этих связей помешала русско-турецкая война 1787–1791 гг. Так или иначе, приведенные факты «ярко характеризуют дружественные отношения между Россией и Марокко в последней четверти XVIII в.» [6. С. 150–151].

Отмечая стремление Марокко к сближению с Россией, марокканский историк А. Тази писал: «Удаленность Москвы от Королевства Марокко не была препятствием для марокканской внешней политики в установлении контактов с царской Россией. Выгодное положение Марокко как важного международного перекрестка привлекало к нему внимание разных сторон, в том числе и соседей России в Османской империи, с которыми марокканцев объединяли узы веры...». В архивах Санкт-Петербурга, как писал А. Тази, хранились материалы переписки султана Мухаммеда III (Бен Абдаллаха) с императрицей Екатериной II, в которых нашла отражение позиция Марокко в отношении присутствия русского флота в Средиземноморье во время войны с Портой [35. Р. 108].

Отношения с Турцией на рубеже XVIII–XIX вв. оставались приоритетными в «восточной политике» России. Стремясь обеспечить безопасность своим судам в центральном и западном секторах Средиземноморья, Россия настояла на включении в текст Ясского договора (1792) статьи, по которой Порты с целью обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполитании брала на себя обязательства возместить русским купцам все убытки, причиненные им корсарами [27. С. 31].

Геополитический прорыв России на пороге XIX в. усилил ее влияние в Средиземноморье и позволил активнее включиться в систему региональных политических и торгово-экономических связей, в том числе со странами Магриба, по-прежнему представлявшими зону особых интересов Запада и Порты.

Магриб в науке, культуре и политике России в XIX — начале XX в. Первая половина XIX в. отмечена в Европе и России прогрессом академического и университетского востоковедения. В известной мере это объяснялось задачами колониальной экспансии. Явным лидером в политическом и экономическом освоении Магриба, в изучении языков и культуры его народов стала Франция, приступившая в связи с захватом Алжира в 1830 г. к выполнению своей «цивилизаторской миссии».

В свою очередь, Россия с начала XIX в. была втянута в войну на Кавказе, которая дала ей опыт, во многом схожий с историей французской колонизации на севере Африки. Магриб — крайний запад арабского мира — и Кавказ — северная периферия ис-

лама — имели много общего и с точки зрения их исламизации, и с точки зрения живучести там доисламских культов и традиционных социальных институтов. Сходство историко-культурных, природных и геополитических факторов (ведь проникновение Франции в Магриб, а России — на Северный Кавказ осуществлялись почти одновременно) дает основание сопоставить некоторые аспекты колониального прошлого этих регионов [9. С. 27–49].

К середине XIX в. публикации о Северной Африке, в том числе о Магрибе, получают в России широкое распространение. Все чаще их можно было увидеть в популярных изданиях («Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Библиотека для чтения» и т. п.). Вышли в свет первые крупные публикации русских ученых и путешественников о Магрибе.

Очерк о Танжере, например, включил в свои «Письма об Испании» философ и литератор В. П. Боткин (1811–1869), побывавший в Марокко осенью 1845 г. Его «Письма» в «Современнике» высоко оценили корифеи русской словесности: Гоголь, Тургенев, Анненков, Фет. «Танжерский очерк Боткина обогнал свою эпоху. Интерес к нему возрастал по мере вовлечения Марокко, других арабских стран в сферу международной политики и особенно проявился в России после испано-марокканской войны 1860 г., когда марокканский вопрос выдвинулся на авансцену европейской политики...» [27. С. 58].

Спустя два года (1847) Танжер посетил А. Н. Демидов — потомок старинного рода русских заводчиков. 16-тысячный город, носивший, по его словам, «испанский облик», был красив и хорошо расположен. «Многочисленные сады, которыми он окружен, рощи фиговых и апельсиновых деревьев, простирающих зеленые кроны между белыми домами, придают ему свежий, кокетливый и привлекательный вид...» [31. С. 33].

Большой отклик получили публикации доктора А. А. Рафаловича (1816–1851) из Ришельевского лицея в Одессе, посетившего Сирию, Египет, Алжир и Тунис в 1846–1848 гг. с целью изучения эпидемий чумы и холеры. В Алжире он стал очевидцем массовой колонизации, последовавшей за капитуляцией Абд аль-Кадира — вождя антифранцузского сопротивления 1832–1847 гг. «Туземный мусульманский элемент везде постепенно и приметно исчезает: или, как города Алжира — от умножившейся бедности, чрез то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы, и вследствие чрезвычайной дороговизны всех жизненных потребностей; или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями полуварварским туземцам...», — писал А. А. Рафалович. Не менее критически он высказался о социальных проблемах Туниса при Ахмед-бее (1837–1855): «Управление нынешнего бея... совершенно разорило край, уничтожило торговлю, земледелие и промышленность этой плодоносной и некогда столь богатой страны» [5. С. 209].

Путешествие А.А.Рафаловича по Ближнему Востоку и Северной Африке длилось почти три года. Вернувшись в конце 1848 г. на родину больным, он немало сил отдал в конце жизни для ознакомления россиян с жизнью увиденных им стран. Ранняя кончина замечательного ученого не дала ему подготовить развернутое описание Туниса и Алжира, материалы о которых увидели свет после его смерти в «Журнале Министерства внутренних дел» (1849).

В 1847 г. Алжир посетил русский геолог и естествоиспытатель Э.И.Эйхвальд (1795–1871), оставивший интересные наблюдения о социально-политической ситуации в Алжире в начале французской колонизации. Э.И.Эйхвальд был первым русским путешес-

твенником, кто не просто застал в Алжире последний этап сопротивления эмира Абд аль-Кадира, но и попытался проанализировать и сравнить ход военных операций, природные и этнокультурные условия Северной Африки и Кавказа [36].

Яркий пример «колониально-аналитической» литературы дает книга военного историка полковника М. Н. Богдановича, вышедшая в 1849 г. Основанная на широком круге западных публикаций и документов, эта работа открыла «более или менее непрерывную алжироведческую традицию в России» [19. С. 13–14].

Работа другого военного путешественника — капитана генерального штаба А. Н. Куропаткина (1848–1925), впоследствии военного министра России, посетившего Алжир в 1874 г., — открывается «военно-историческим обзором» и содержит анализ географических условий, этносоциального состава населения, военно-административных и социально-экономических структур Алжира на заре Третьей республики (1870–1940). Особого внимания заслуживает анализ «ассимиляции» традиционных институтов с целью «сделать Алжир как бы частью Франции». С завоеванием Алжира «туземцы пришли в соприкосновение с европейцами, что отразилось на них как в лучшую, так и в дурную сторону: увеличился их рынок сбыта ремесленных товаров, были проложены дороги, возрос уровень потребностей... однако, с другой стороны, само завоевание Алжира... реквизиции и секвестр имущества, частые восстания, в связи с повальными болезнями и голодом, еще больше истощили народ». А. Н. Куропаткин отметил социальные язвы колонизации: «С наплывом европейского населения, часть которого составляет далеко не сливки общества, в туземное население стали проникать пьянство, азартные игры, разврат и связанное с ним распространение сифилиса. В особенности большие города: Оран и Алжир явились рассадниками пороков, составляющих неизбежные язвы европейской цивилизации» [20. С. 60].

В конце XIX в. существенно расширился круг путешественников из России в Магриб, куда наряду с учеными, врачами, дипломатами устремились также писатели, журналисты, художники. В 70–80-е годы XIX в. русских все чаще можно было увидеть в городах Алжира и Туниса. В 1873–1874 гг. Тунис посетил известный исследователь Африки В. В. Юнкер (1840–1892). В 1875 г. он побывал в Ливийской пустыне, оставив интересные заметки о жизни обитателей сахарских оазисов. Тогда же в Тунисе побывал Л. Ф. Костенко (1841–1891), опубликовавший свои географические и этнографические заметки в книге «Путешествие в Северную Африку» (1880).

Популярность в России и Европе приобрела изданная в Париже в 1880 г. книга писем русского геолога и географа П. А. Чихачева (1808–1890) к его другу М. Шевалье о поездке в Испанию, Алжир и Тунис. Повествование П. А. Чихачева отличалось яркими авторскими наблюдениями о природе, населении, памятниках Магриба и некогда блестящей страны Аль-Андалус — в прошлом арабской Испании. Поездки по Алжиру (1877–1878) позволили ученому изучить социальные проблемы французской колонии. При своем в целом позитивном взгляде на политику Франции П. А. Чихачев отметил кризисные явления в экономике Алжира: «Когда речь идет о стране, столь богато одаренной природой, то становится совершенно очевидно, что алжирская почва может произвести все, что необходимо для удовлетворения даже самых строгих требований материальной жизни. Так что поддержки со стороны метрополии тут совершенно не требуется...» [34. С. 154].

Рассказ о Тунисе П. А. Чихачев начал в июне 1878 г. с описания древностей Карфагена. Весьма сдержанно он оценивал плоды политики Хайрадин-паши (1826–1889) —

туниССкого реформатора, черкеса по происхождению: «...Система реформ, которую предполагают ввести в Турции, не была принята в Тунисе, хотя блистательные манифесты, провозглашавшие реформы в Константинополе, публиковались и в Тунисе... Как и встарь власть сосредоточена в руках бея, а следовательно, эта власть гуманна и либеральна или угнетающа и жестока, в зависимости от личных качеств того, кто облечен властью» [34. С. 292]. Через три года после поездки П. А. Чихачева бей Мухаммед ас-Садок подписал Бардосский договор (1881), лишивший Тунис суверенитета и превративший его в протекторат Франции.

В 1884 г. в Алжире, Тунисе, Триполи и ряде районов Сахары побывал врач и антрополог А. В. Елисеев (1858–1895) — сторонник «цивилизаторской миссии» Запада, восхищавшийся «колоссальностью работ» колонистов, чьим трудом за полвека была преобразована земля Алжира. «Разумеется, при таких условиях быстро двигающейся вперед цивилизации самобытность и оригинальность страны пропадают: полудикий номад заменяется трудолюбивым земледельцем, кровожадный хищник... — мирным охотником, а туземный человек повсюду отходит на задний план перед могучим своею цивилизацией пришлым человеком Европы» [10. С. 50]. Академические, в том числе этнографические заметки А. В. Елисеева о путешествии на Восток и в Северную Африку вышли в «Известиях Русского географического общества», в «Русском обозрении» и не раз переиздавались как отдельными книгами, так и в сборниках.

Свои впечатления о жизни колониального Алжира в конце XIX в. опубликовал А. Гессе, отзывавшийся о берберях предсахарских областей как о «смышленном, энергичном и трудолюбивом народе, расположенном к торговле» (1890) [3. С. 61].

На рубеже XIX–XX вв. резко обострился «марокканский вопрос» в мировой политике. Вслед за Францией и Испанией, добившихся от султана Марокко капитуляционных прав еще в 1767 г., к освоению последнего, сохранявшего суверенитет государства Магриба, устремились новые державы. В 1880 г. в Мадриде представители 14 стран подписали конвенцию о режиме капитуляций в Марокко. В 1881 г. к ней присоединилась и Россия. Этот шаг русского правительства носил конъюнктурный характер: «Ни в 80-х годах XIX в., ни позднее Мадридская конференция не имела практического значения для России, которая фактически никогда не пользовалась правом “покровительства” в Марокко» [27. С. 72].

Мадридская конвенция способствовала развитию официальных контактов России с Марокко, султан которого Мулай Хасан (1873–1894) высказывал пожелание, чтобы российский представитель был направлен в Танжер.

В декабре 1881 г. в Марокко прибыл член Русского географического общества К. А. Вяземский, известный путешественник по Азии, Ближнему Востоку и Северной Африке. Прибыв из Танжера в Марракеш, он и его супруга были приняты султаном Мулай Хасаном (Мюле Гасаном, как называет его К. А. Вяземский). Русский гость описал также свои встречи с «великим визирем», другими марокканскими сановниками, а также с находившимися на службе султана офицерами из Франции и Англии. «Мароккский же султан, — писал К. А. Вяземский, — числится прямым наследником Магомета и потому долженствовал бы первенствовать у мусульман». Перед отбытием из Марракеша К. А. Вяземский получил разрешительные грамоты марокканского правительства на въезд в Фес — духовную столицу Марокко, — а оттуда направиться через приграничный город Уджда в Алжир. Переданные в Географическое общество путевые заметки К. А. Вяземского содержат уникальные наблюдения о культуре и нравах Марокко кон-

ца XIX в. При всем европоцентризме автора, эти свидетельства отмечены симпатией к радушным жителям далекой африканской страны [2].

Дважды побывал в Марокко, при султанах Мулай Хасане (1873–1894) и Мулай Абд аль-Азизе (1894–1908), русский журналист В. И. Немирович-Данченко (1848–1936), брат известного театрального деятеля. Опубликовав впервые заметки о посещении Танжера, Тетуана, Феса, Рабата, Тафилальта в 1896 г. [29], он не раз возвращался к североафриканским впечатлениям, в том числе после вынужденной эмиграции в 1921 г. [27. С. 142–150]. Образ «края золотого заката», созданный его пером, способствовал росту интереса российской общественности к «мавританской культуре», позволил русскому читателю лучше понять жизнь Марокко на пороге XX в.

«Нигде вы не познакомитесь так близко, так скоро с пестротой и оживлением картинного Востока... Африка, кажется, прислала сюда всех своих представителей... Чернокожие «гнауа» и берберы, арабы и евреи, детский гомон и женские возгласы, стук молотков чеканщиков, музыка и песни, дурманящие ароматы специй — пестрота и богатство Востока...», — писал В. И. Немирович-Данченко о знаменитом танжерском базаре Зоко (или «Сокко», от араб. «сук» — «базар». — *Н. Д.*).

«Я пригласил одного мавра к себе... в середине обеда он уже был в ужасе..., — рассказывает В. И. Немирович-Данченко в очерке о Танжере. «Поистине велик Аллах, давший европейцу желудок страуса! Теперь я понимаю, почему вы все захватываете у нас и почему вам своего мало! Вы как мыши малы, но съедите весь мир, если пророк не спасет его от вашего аппетита», — воскликнул его гость, увидев, как ест «неверный» [28. С. 22–27].

Безусловно, редкие и подчас совсем не продолжительные путешествия, подобные тем, которые предприняли с середины XIX в. В. П. Боткин, А. Сумароков, К. Скальский К. А. Вяземский, В. И. Немирович-Данченко и другие деятели русской культуры, способствовали росту взаимного интереса народов России и Марокко, их дальнейшему сближению и, наконец, принятию давно назревшего политического решения об установлении между двумя странами дипломатических отношений.

В октябре 1897 г. Государственный совет постановил учредить в Марокко официальное представительство во главе с генеральным консулом в ранге министра-резидента. Это решение получило высочайшее утверждение Николая II, и в декабре 1897 г. первым генеральным консулом России в Марокко был назначен опытный дипломат В. Р. Бахерахт (1851–1916), до того служивший в российских представительствах в Германии, Италии, Португалии и т. д. Министерство иностранных дел подробно инструктировало В. Р. Бахерахта о задачах российской политики в Марокко, сводящихся к тому, чтобы ввиду «оживившегося восточного вопроса и усиленной деятельности европейских государств по разделу Африканского материка... предотвратить всякое нарушение существующего равновесия сил в бассейне Средиземного моря...» [31. С. 183–184].

В борьбу западных держав за влияние на севере Африки все активнее втягивалась Германия. Берлин, как и его более опытные конкуренты, стремился наверстать упущенное, направляя канонерки к берегам Магриба, создавая сеть морских баз и угольных станций для обслуживания своего набравшего мощь флота.

Проблема открытия новых стоянок для военных и торговых судов пристально обсуждалась в эти годы и русским правительством. Уже в августе 1898 г. В. Р. Бахерахт направляет в Санкт-Петербург ряд служебных записок «о приобретении угольной станции в Танжере ввиду сложной политической ситуации в Марокко», сопровождая их

подробными картами и описанием атлантического и средиземноморского побережья Дальнего Магриба. Морское министерство в ответ на эти предложения генерального консула в Танжере подчеркивало, однако, приоритетность укрепления позиций России у берегов Аравии и Филиппин для обеспечения прохода русских кораблей из Тихого океана в Средиземноморье.

Подобный подход морского ведомства отражал характер российской политики в регионе. Петербург не готов был ввязываться в спор Великобритании, Франции и Германии за влияние в западном Средиземноморье и на севере Африки — в спор, который во многом определял тенденцию формирования военно-политических союзов в Европе накануне Первой мировой войны.

Российско-марокканские связи продолжали развиваться и в этих сложных условиях. В июле 1901 г. в Санкт-Петербург прибыло чрезвычайное посольство марокканского султана во главе с министром иностранных дел Абдель-Кримом бен Слиманом. Во время аудиенции, устроенной Николаем II в Большом Петергофском дворце, А. Бен Слиман вручил Императору личное послание султана Мулай Абд аль-Азиза. В ответном письме султану Марокко Николай II писал: «Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества еще теснее закрепить дружественные отношения, столь счастливо установившиеся между империями Нашими, особенно со времени учреждения дипломатического представительства Нашего в Марокко...» [31. С. 266].

В первые годы XX в. «мароккский вопрос», а точнее «марокканский кризис», вызванный усилением соперничества держав у границ Марокко, оказался в фокусе мировой политики. С территории Алжира Франция приступила к прямому захвату приграничных марокканских земель. Осенью 1904 г. в Танжер зашли три отряда российских боевых кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З. П. Рождественского, следовавшей на Дальний Восток на войну с Японией. Командиры отрядов нанесли визит султанскому наместнику, заявившему, что Марокко связывают с Россией дружественные отношения, и нет «препятствий к стоянке и снабжению необходимым судов в портах султаната...» [31. С. 11].

К прямому шантажу своих конкурентов на колониальном рынке обратилась Германия, проявлявшая все больший интерес к Магрибу. 31 марта 1905 г. Танжер неожиданно посетил сам Вильгельм II, объявивший цель своего визита — сделать все от него зависящее «для действительной защиты германских интересов в Марокко...» [26. С. 37].

Решительная попытка разрешить этот международный кризис была предпринята в начале 1906 г. на конференции в испанском городе Альхесирас, где ведущие европейские державы, включая Россию, фактически блокировали претензии Германии на особый контроль над Марокко и учредили новый международный режим эксплуатации его ресурсов. Марокканский кризис стал важной вехой в развитии политической конфронтации у берегов Магриба накануне Первой мировой войны.

Коллизии европейской и мировой политики в первые годы XX столетия не оказывали существенного влияния на развитие прямых культурных контактов между Россией и странами Магриба. «Золотой закат» и «львиные ночи» по-прежнему привлекали писателей, ученых и художников как из Европы, так и из России. Широкую популярность в те годы приобрели работы выпускника Академии художеств В. И. Якоби (1834–1902), не бывавшем в Африке и оставившем десятки полотен, навеянных образами Марокко, Алжира, Туниса. На рубеже 1904–1905 гг. в Тунисе работал Василий Кандинский, напи-

савший там немало композиций, успешно выставлявшихся затем в Париже, Мюнхене, Америке [30. С. 15].

В период с 1907 по 1911 г. в Магрибе неоднократно бывал путешественник из Петербурга А. И. Дмитриев. В вышедшей в 1917 г. книге он упоминал и о работе в Магрибе известного живописца К. С. Петрова-Водкина (1878–1939), в начале XX в. много путешествовавшего по Европе и Северной Африке. А. И. Дмитриев писал, что рисунки и эскизы, выполненные К. С. Петровым-Водкиным в Алжире (в Константине и Бискре) были помещены в ежегоднике Общества архитектуру-художников [5. С. 310].

В предвоенные годы по Алжиру и Тунису путешествовал И. А. Бунин со своей женой В. Н. Муромцевой. В 1911 г. Тунис посетил поэт Андрей Белый. «Африканские», «магрибские» мотивы нередко встречались в то время в сочинениях российских литераторов [30. С. 15; 5. С. 373].

Первая мировая война внесла свои жесткие коррективы в международные отношения начала XX в. Однако и в те тяжелые годы не прерывались узы, связывавшие Россию с Магрибом. Во многих городах Алжира, Туниса и Марокко, перешедшего в 1912 г. под протекторат Франции и Испании, проживали выходцы из России, которых война застала на этой земле. Волнующие новости с родины попадали к ним далеко не из первых рук, в основном из французских и других европейских газет. Немало эмигрантов из России можно было встретить тогда в Алжире, Тунисе, Танжере и т. д. Спустя семь десятилетий после тех событий автору этих строк приходилось слышать рассказы танжерцев о местной русской колонии, представители которой с энтузиазмом приветствовали известие о падении монархии в России, но так и не смогли вернуться домой, обретя могилы на христианских погостах Магриба.

Примечания

¹ Сегодня Магриб — это обширный по территории (более 6 млн кв. км), богатый природными ресурсами (нефть, газ, фосфориты, сельскохозяйственные продукты, «дары моря» и пр.), динамично развивающийся регион с населением более 80 млн. Стоящие перед ними проблемы социально-экономического и политического развития независимые государства Магриба — Алжир, Тунис, Ливия, Марокко, Мавритания — стремятся решить в рамках созданного ими в 1989 г. на встрече в Марракеше Союза Арабского Магриба (С.А.М.) — влиятельного регионального объединения на карте Африки и Арабского мира. На пороге III тысячелетия страны Магриба предлагают широкие возможности для сотрудничества с зарубежными партнерами, в том числе с Россией, с народами которой их объединяют многовековые связи.

Литература

1. Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. 532 с.
2. *Вяземский К. Я.* Путешествие в г. Марокко // Ученый Архив РГО. Разряд 98. Рукописи трудов членов Географического общества. Оп. 1. Л. 16.16.
3. *Гессе А.* По югу Алжирии // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 52–62.
4. *Данциг Б. М.* Ближний Восток: Сб. статей. М., 1976. 360 с.
5. *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1976. 436 с.
6. *Данциг Б. М.* Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976. С. 146–152.

7. Дьяков Н. Н. Марокко. История, культура, религия. СПб., 1993. 180 с.
8. Дьяков Н. Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Средние века, новое время. СПб., 2008. 348 с.
9. Дьяков Н. Н. Тарикаты арабского Магриба и Северного Кавказа в эпоху европейской колонизации // Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994. С. 27–50.
10. Елисеев А. В. В Бискру // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 49–52.
11. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки / Пер. с франц. Т. 2. М., 1961. 424 с.
12. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971. 400 с.
13. История Африки в XIX — начале XX в. М., 1984. 584 с.
14. История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. 440 с.
15. Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба. М., 1988. 320 с.
16. (Коковцов М. Г.) Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обычаи и нравы их с присовокуплением древней истории и с тремя чертежами. СПб., 1786.
17. (Коковцов М. Г.) Письмо капитан-лейтенанта Коковцова о совершении им вояжа в барбарийские порты с описанием алжирских берегов и Тунисской области... 6/17 августа 1776 // РГАВМФ. Оп. 172. Л. 1. Д. 119.
18. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. 298 с.
19. Кукуян В. Г. История изучения социально-экономического и политического развития Алжира в России и в СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., ИСАА МГУ, 1990. С. 22.
20. Куропаткин А. Н. Алжирия. СПб., 1877. 122 с.
21. Ланда Р. Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М., 1976. 308 с.
22. Ланда Р. Г. История Алжира. XX век. М., 1999. 308 с.
23. Ланда Р. Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991. 168 с.
24. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995. 312 с.
25. Лев Африканский. Африка — третья часть света. Л., 1983. 512 с.
26. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973. 478 с.
27. Мусатова Т. Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990. 208 с.
28. Немирович-Данченко В. И. Базар в Танжере // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 22–27.
29. Немирович-Данченко В. И. Под африканским небом: Очерки, впечатления, миражи и воспоминания. СПб., 1896.
30. Панова М.А. Русские в Тунисе. М., 2008. 296 с.
31. Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах / Автор и составитель Н. П. Подгорнова. М., 1999. 624 с.
32. Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994. 172 с.
33. Хмелева Н.Г. Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973. 126 с.
34. Чихачев П.А. Испания, Алжир и Тунис. М., 1975. 350 с.
35. Тази А. Ал-Муджаз фи-т-тарих ал-илакат ад-дувалийя ли-ль-Мамлака ал-Магрибийя (Abrégé de l'Histoire diplomatique du Maroc des origines à nos jours). Rabat, 1985. 144 с.
36. Эйхвальд Э. И. Отрывки из путешествия в Алжир. 1847.